

Миловидов Б.П.**Военнопленные Великой армии в Тамбовской губернии в 1812-1814 гг.**

This work was supported by the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant № 548/2000

Опубликовано: Военнопленные Великой армии в Тамбовской губернии в 1812–1813 гг. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2004. С. 176–191.

[176] Появление в Тамбовской губернии в 1812-1814 гг. военнопленных не было неожиданным. Местом пребывания военнопленных французской армии в 1806 г. были назначены губернии, «расположенные позади Казани».¹ В Казань они двигались через Смоленск, Владимир, Ярославль и Нижний Новгород. А вот после заключения Тильзитского мира один из маршрутов возвращения пленных на родину проходил через Тамбов.² Тамбовская губерния была назначена одним из мест пребывания военнопленных турок в 1807-1812гг.³ В частности известно, что в 1812 г. пленные турки находились в самом Тамбове и в уездном городе Козлове.

Пребывание пленных Великой армии в Тамбовской губернии нашло отражение в дореволюционной историографии. Речь идет в первую очередь о солидной публикации документов, подготовленной Тамбовской ученой архивной комиссией и увидевшей свет в 1915 г. Здесь мы постараемся в первую очередь остановиться на тех сюжетах и документах, которые не вошли в данную публикацию. Источниковую базу работы составляют документы, хранящиеся в Государственном архиве Тамбовской области, а также мемуары самих военнопленных.

В 1812-1814 гг. Тамбовская губерния стала для пленных транзитной. Однако это произошло не сразу. В трудах Тамбовской ученой архивной комиссии опубликована «копия с повеления Киевскому и Черниговскому гражданским губернаторам» за подписью П.И. Багратиона.⁴ Этот документ и ныне находится в Государственном архиве Тамбовской области; он не датирован, и по своему содержанию является предписанием лишь киевскому губернатору.⁵ Документ аналогичного содержания, адресованный черниговскому

губернатору, находится в том же архиве, но на нем стоит дата – 22 июля 1812 г.⁶ В обоих документах говорится, что император повелел Багратиону всех пленных, взятых войсками его армии отправлять во внутренние губернии по собственному [177] назначению. Поэтому Багратион приказывает всех тех пленных, которые по прежнему его повелению отправлялись в Чернигов и Киев, направлять в Тамбов, уведомив предварительно тамбовского губернатора. Для препровождения пленных было предписано требовать команды от киевского и черниговского гарнизонных полков. Относительно содержания пленных следовало руководствоваться постановлением начальника главного штаба 1-й Западной армии маркиза Ф.О. Паулуччи, которое при этом прилагалось. Провиант пленным следовало выдавать либо из магазинов, либо деньгами по положению, по которому довольствуются проходящие в России команды. При отправлении в Тамбов пленным следовало выплатить «месячное жалование». Остальные распоряжения предоставлялось делать губернаторам. Далее в тексте следует фраза: «на сем самом основании предписываю вам и впредь отправлять в Тамбов и Воронеж доставляемых к Вам пленных». Таким образом, пленные двигались в Тамбов через Воронеж, что видно и из переписки тамбовского губернатора. Первая партия пленных из Киева была отправлена в Тамбов 4 августа. Она состояла из 2 полковников, 16 обер-офицеров и 275 нижних чинов; конвоировали их 156 нижних чинов и 2 офицера под начальством майора Грушевского. 18 августа воронежский губернатор сообщил, что в Тамбов через Воронеж двигается партия пленных из Чернигова.⁷ Вместе с тем, еще 26 июля последовало высочайшее повеление на имя принца Ольденбургского об отправлении пленных в Тамбовскую и Саратовскую губернии. В Тамбове об этом узнали только из отношений новгородского и тверского гражданских губернаторов, датированных 6 и 8 августа.⁸ И наконец в соответствии с циркулярным предписанием Министерства полиции от 29 августа 1812 г. за подписью С.К. Вязмитинова местами пребывания пленных были назначены Астраханская, Пермская, Оренбургская и Вятская губернии.⁹

Таким образом, в первые месяцы войны Тамбовская губерния становится основным пунктом, через который должны были проходить пленные наполеоновской армии, но по мере того, как ситуация на театре военных действий менялась и Великая армия подходила к Москве, а в числе губерний, куда предназначалось отправлять военнопленных, появились Пермская [178] и Вятская, сформировалось два основных маршрута движения пленных: северный – через Тверь и Ярославль, и южный – через Тамбов. Причем когда стало ясно, что

Киев находится на достаточно безопасном расстоянии от театра военных действия, он превратился в место постоянного пребывания пленных и их приток оттуда прекратился.

Первая партия пленных прибыла в Тамбовскую губернию из Твери. Это была партия из 6 человек (2 дезертира и 4 пленных, среди которых и полковник принц Гогенлоэ), которые были доставлены в уездный город Елатьму 24 августа 1812 г.¹⁰ 27 августа в самом Тамбове пленных французов еще не было.¹¹ Тамбовский губернатор сообщил об их прибытии в Министерство полиции только 2 сентября.¹² 20 сентября наконец прибыла партия Грушевского из Киева.¹³ Несколько партий пленных прибыли из Рязани.

Из Тамбова партия пленных в двадцатых числах сентября 1812 г. была отправлена в Оренбург (майор, 9 обер-офицеров и 207 н. ч.), при этом она была снабжена овчинными тулупами, сапогами и чулками, которые были представлены подрядчиком купеческим сыном Саколовым.¹⁴ Туда же, снабженная предварительно одеждой, отправлена еще одна партия, прибывшая в Тамбов не позднее 22 сентября. Причем первоначально ее предполагалось отправить в Саратов. Она состояла из 10 обер-офицеров и 182 нижних чинов, под конвоем прапорщика Чернышева, 2 унтер-офицеров, 25 рядовых и 40 ратников.¹⁵ Партия во главе с Грушевским была отправлена не позднее 28 сентября в Астрахань (1 штаб-офицер, 15 обер-офицеров и 273 н. ч.), хотя его предполагалось отправить сначала в Пензу.¹⁶ 24 сентября пленные, прибывшие из Рязани, были направлены в Вятку.¹⁷ Перемены в географии движения пленных, судя по всему, связано с получением упомянутого предписания от 29 августа. По всей видимости, оно было получено 22 сентября 1812 г., так как именно в этот день в предложении казенной палате гражданский губернатор П.А. Нилов еще ссылается на предписание Паулуччи,¹⁸ но тамбовскому полицмейстеру отправляет уже текст циркулярного предписания от 29 августа, содержащий иные нормы снабжения пленных.¹⁹ 12 октября 1812 г. из Тамбова вышла партия в Пермь.²⁰

[179] В течение 1813 г. через Тамбов двигались пленные, местом пребывания которых были назначены Саратовская, Пензенская губернии. Через Тамбов двигались и военнопленные поляки в Сибирь и на Кавказ. Однако для части пленных Тамбов стал местом их постоянного, или во всяком случае довольно длительного пребывания на все время плена. Это касается в первую очередь генералов и офицеров, которые были там оставлены по распоряжениям военного и гражданского начальства. Во-вторых, это пленные, оставшиеся в Тамбове после циркулярного предписания за подписью С.К. Вязмитинова о приостановлении

препровождения пленных в декабре 1812 г. В-третьих, это больные пленные, которые не могли следовать далее со своими партиями. На территории губернии пленные были размещены в самом Тамбове, а также в Лебедяни и Козлове.

По данным на 15 февраля 1813 г. из пленных, «проходящих через Тамбовскую губернию и в оной на [жительство] остановленных 4189 человек» умерло 4 обер-офицера и 397 нижних чинов (или 9,6%).²¹ При этом осталось на 15 февраля в Тамбове 885 нижних чинов (в том числе 702 поляка), 9 генералов и 87 офицеров и чиновников.²²

Непосредственное заведование пленными с 1 сентября по 1 декабря 1812 г. в Тамбове осуществлял тамбовский полицмейстер Винокуров, затем оно перешло в руки уездного предводителя дворянства.²³ Однако центральную роль в решении вопросов о пленных, судя по делопроизводству, по крайней мере с начала 1813 г., то есть с приходом вместо Нилова на должность губернатора Д.С. Шишкова, стал играть губернский секретарь князь Гагарин.

Еще 27 августа тамбовский губернатор доносил Вязмитинову, что никаких особо обустроенных зданий, где можно содержать пленных, в Тамбове нет. Даже колодники содержатся в работном и смиренном домах. Есть лишь избы, в которых содержались пленные турки. Нилов сообщал о своем приказе отремонтировать их, но по его мнению, очевидно, что их на большое число пленных не хватит. «Размещение же их по домам градских обывателей я почитаю, особенно по настоящим военным обстоятельствам опасным, потому что они внушениями своими могут совращать, ... простодушных [180] горожан с пути общественного порядка и приводить в заблуждение», - продолжал губернатор. Гарнизонный батальон был маленький, по уездам Нилов тоже размещать пленных тоже боялся, так как внутренняя стража там не превышала 25 человек. Изложив эти обстоятельства, губернатор просил инструкции из Петербурга.²⁴ Однако, не дожидаясь распоряжений из столицы, он предписал козловскому, лебедянскому, липецкому и усманскому земским исправникам выслать находящихся в их уездах отставных воинских чинов в Тамбов для составления из них внутренней стражи, о чем и донес 4 сентября Вязмитинову. 12 сентября 1812 г. Нилов направил городской думе предложение о размещении пленных в одном из домов Тамбова на счет имеющейся у нее страховой суммы²⁵, за счет которой предполагалось также покупать и дрова для пленных.²⁶

В связи с получением предписания от 29 августа возник вопрос о снабжении пленных одеждой. 25 сентября полицмейстер доносил, что в присутствии полиции в Тамбове были

устроены торги. Выиграл торги купеческий сын Саколов, предложивший тулуп по 21 р., а чулки по 1 р. 28 к., подряд на поставку сапог достался мещанину Алексею Мачихину (5 р. 25 к.). Цена, запрошенная Саколовым за тулупы для французов была намного выше той, по которой он поставлял тулупы для турок и полицмейстеру с трудом удалось склонить его к снижению цены на полтора рубля.²⁷

Важным источником являются и мемуары самих пленных. Мы располагаем свидетельствами десяти мемуаристов, проходивших через Тамбов во время своего движения во внутренние губернии и обратно или оставшихся в Тамбове. Это обер-лейтенант вюртембержец К.Л. Иелин, двигавшийся с ним в одной партии во внутренние губернии и обратно также вюртембергский обер-лейтенант Зоден. (Иелин упоминает его в своем дневнике.) Тексты Иелина издавались дважды. Одно издание – мюнхенское 1910 г., вышло под его фамилией и представляет собой публикацию его дневника, точнее той его части, которая касается отступления Великой армии и пребывания автора в плену; именно в этом издании приведены списки офицеров с которыми автор был в плену. По всей видимости именно это издание легло в основу русского перевода Иелина, который [181] вышел в 1912 г. и страдает, впрочем, множеством неточностей. Другое издание – анонимное, вышедшее в Штутгарде еще в 1817 г. под названием «Merkwuerdige Tage meines Lebens. Feldzug und Kriegsgefangenschaft in Russland. Aus dem Tagebuch eines deutschen Officiers». Сравнение текстов этого издания с изданием 1910 г. позволяет утверждать, что в его основе лежит биллетризованный вариант дневник Иелина. Иелин умер в 1861 г., так что, вероятно, мы имеем дело с авторской редакцией текста. Во-первых, издание 1817 г. охватывает период, предшествовавший отступлению Великой армии, во-вторых, в нем имеются пространные рассуждения, часто этнографического характера, отсутствующие в мюнхенском издании, в-третьих, в нем отсутствуют некоторые данные, которые могли быть не особенно интересны тогдашнему читателю, в частности списки офицеров, с которыми двигался Иелин, численность партий и т.п. Кроме того, издание 1817 г. снабжено рисунками этнографического характера. Иелин и Зоден прибыли впервые в Тамбов 12 июня 1813 г. и пробыли там 8 дней²⁸, а на обратном пути прибыли 16 января 1814 и пробыли там 12 дней²⁹. На обратном пути из Пензенской губернии в той же партии, что Иелин и Зоден, был гессен-дармштадтский лейтенант Пепплер³⁰, а среди присоединившихся в Тамбове к этой партии офицеров, возвращавшихся из Саратовской губернии был вестфальский лейтенант

Рюппель.³¹ Пепплер побывал в Тамбове и по пути вглубь России - 26-27 мая 1813 г.³² В июне 1813 г. возвращался через Тамбов (пробыл он в Тамбове с 7 по 20 июня) на родину штабс-хирург, служивший в 10-м конном полку княжества Варшавского С.Б. Пешке.³³ В феврале 1814 г. возвращался через Тамбов и вестфальский солдат Флек.³⁴ В сентябре 1812 г. 10 дней пробыл в Тамбове капрал баварского 5-го легкоконного полка Бюттнер.³⁵ С 1 по 4 марта 1814 г. пробыл в Тамбове возвращавшийся на родину лейтенант граф К.А. Ведель.³⁶ Вюртембергский лейтенант Курц провел в Тамбове с 29 ноября по 25 декабря 1813 г., после чего отправился на родину.³⁷ Кроме того, мы располагаем дневником баварского лейтенанта Фуртенбаха (Лейпциг, Нюрнберг 1912). Это не единственный вариант текста Фуртенбаха. В 1831-1832 гг. вышел двухтомник под общим названием «Memorien aus russischer Kriegsgefangenschaft von 2 [182] deutschen Offizieren», изданный и снабженный примечаниями Зоденом. Авторы текстов в издании не указаны. Вторая часть принадлежит судя по всему самому Зодену, она по хронологии совпадает с текстом Иелина, который в свою очередь упоминает Зодена. А текст первого тома скорее всего принадлежит Фуртенбаху. Между ним и текстом, опубликованным под фамилией самого Фуртенбаха, имеются множество мелких различий, но совпадение дат, последовательность изложения фактов и мыслей, а также значительные текстуальные совпадения свидетельствуют как минимум о том, что тексты имеют один протограф.³⁸

Проанализируем впечатления пленных от пребывания в Тамбове. Большинство мемуаристов – немцы. Почти все они пишут о плохих квартирах и грубом обращении со стороны чиновников. Это относится не только ко времени следования пленных во внутренние губернии, хотя они проходили через Тамбов в основном уже в 1813 г., когда военные действия были перенесены за границы Российской империи, и непосредственная угроза существования страны миновала, но и ко времени возвращения пленных домой, когда государства, подданными которых они являлись, перестали быть союзниками Наполеона. Более того, наши мемуаристы – не «природные», как тогда говорили, французы, ненависть к которым как к подданным непосредственного инициатора войны была бы оправдана в большей степени.

Пожалуй, единственный, кто сказал доброе слово о губернской администрации, был граф Карл Ведель. Однако его положение отличалось от положения остальных пленных. Во-первых, определенную роль играл его титул, во-вторых, он побывал в Тамбове уже при

возвращении на родину, будучи освобожденным из плена по ходатайству П. В. Лопухина, председателя департамента гражданских и духовных дел Государственного совета. В-третьих, он путешествовал не в составе партии, а самостоятельно, в собственном экипаже. Прибыв в Тамбов, Ведель остановился в бедном и неудобном постоялом дворе, а кроме того, хозяин, решив, что граф не привык дешево платить за постой, взял с него 2 рубля. На следующее утро, однако, явился полицмейстер, потребовал вернуть графу эти деньги (которые, впрочем, Ведель благородно [183] отказался принять), и бесплатно поместил его в хороший бюргерский дом.³⁹

Возвращавшийся на родину в 1814 г. вестфальский солдат Флек пишет, что партия, в которой он двигался, запаслась в Тамбове продовольствием, и далее чрезвычайно быстро двигалась до Воронежа. Офицер, сопровождавший ее, брал взятки с населения за то, что транспорт с пленными не останавливался в деревнях. Такая ситуация устраивала все стороны.⁴⁰

С.Б. Пешке пишет, что пленники-солдаты жили в казармах, офицеры – по квартирам у обывателей. Все были недовольны князем Гагариным, в ведении которого находились пленные, и жаловались на несвоевременное получение денег. «Более других возмущались французы, - пишет мемуарист, - но, признаться, с ними обращались более вежливо, чем с другими. Я готов думать, что французу жилось здесь лучше, нежели на родине, он ото всюду встречал незаслуженное расположение. Кто выражал просьбы по-немецки, по-польски, на итальянском языке – тому приходилось чуть ли не умирать с голоду, нужно было говорить по-французски! Кто владел этим языком, будь он глуп как ноги у стола – тот считался образованным и прекрасно воспитанным».⁴¹ Оставил Пешке и описание князя Гагарина, к которому пришел представиться. Это был «невзрачный человек невысокого роста в орехового цвета фраке», так что Пешке даже решил, что это не сам хозяин, а его сын. Князь окинул пленника вопросительным и грозным взором и обрушился на него с упреками, заявив, что его государь, саксонский король, человек недалекий и плохой политик, так как продолжает поддерживать Наполеона. Пешке вступил в спор, назвав заявление князя неподобающим. Тогда Гагарин пригрозил разместить его в казармах. В общем, мемуаристу пришлось «пришлось выслушать целый ряд жестоких и обидных фраз». Но «с создавшимся положением приходилось мириться».⁴² Квартира, отведенная пленнику, не отличалась удобствами. Комната все время была наполнена дымом, а конюшня оказалась вовсе

непригодной. Городничий, которому пожаловался Пешке, вновь отправил его к князю. Гагарин на этот раз принял мемуариста более любезно, обещал рассмотреть претензии, но прибавил, что «пленник [184] прежде всего должен быть терпелив». На следующий день Пешке отправился к губернатору, нашел в нем человека вежливого и образованного, однако находящегося под влиянием Гагарина. Вице-губернатор Вейс также, по словам автора записок, отзывался о князе с большим почтением. «Было ясно, что судьба моя в руках маленького человека» – делал вывод Пешке. Было у Пешке рекомендательное письмо к генеральше Циммерман, которая жила в Тамбове на широкую ногу, однако, узнав, что Гагарин – ее частый гость и с удовольствием играет с ней в карты, решил письма не передавать.⁴³ И по всей видимости напрасно. Именно благодаря помощи Циммерман вюртембергскому лейтенанту Курцу удалось остаться в Тамбове, избежав отправления в более отдаленные губернии.

Партию, с которой прибыл в ноябре 1813 г. Курц разместили в предместье Тамбова. Тут он узнал, что прибывшие несколькими днями ранее вюртембергские офицеры должны были отправиться в Пензенскую и Саратовскую губернию, а несколько партий французов уже отправились в Симбирск. В партии Курца, кроме него было еще два немца - баварские офицеры, остальные – французы. Через день после прибытия к своему ужасу Курц узнал, что и его партия будет отправлена в Симбирск. Неприятная новость была сообщена пленным от имени «губернатора князя Гагарина». По-видимому, влияние Гагарина в это время было так велико, что пленными он воспринимался как высший чиновник в губернской администрации. К тому же вскоре пришло известие об освобождении пленных баварцев.⁴⁴ (Циркулярное предписание Министерства полиции об освобождении баварских пленных датировано 17 октября 1813 г.⁴⁵) Перспектива путешествия в кампании «заносчивых и враждебных» французов по «истинно русскому холоду», да еще без денег и теплой одежды, отнюдь не прельщала лейтенанта и он твердо решил во что бы то ни стало остаться в Тамбове. Курц отправился к «губернатору» (то есть к Гагарину) просить милости. Последовал холодный отказ. Фиаско потерпело и ходатайство штутгартского уроженца Паули, жившего в Тамбове. Тут-то Курц и решил обратиться к генеральше Циммерман, которая имела большое влияние на Гагарина, и через которую несколько [185] пленных офицеров уже получили разрешение остаться в городе. «Я употребил все мое красноречие, которое усиливалось моим фатальным положением и надеждой на скорое освобождение, чтобы тронуть некоторые струны ее

сердца» - пишет мемуарист. «В один момент, - продолжает он, - она написала записку князю Гагарину и через полчаса сама вручила мне разрешение остаться в Тамбове.» Кроме того, генеральша пригласила лейтенанта ежедневно обедать у нее, чем он из скромности пользовался только раз в неделю. Циммерман привечала не только воинов армии Наполеона, ее гостеприимством пользовался и турецкий пленный офицер (бим-баши), живший в Тамбове. Квартиру Курц снимал у упоминавшегося уже Паули, давая его сыну уроки.⁴⁶ В целом же пребывание в Тамбове обеспечивало «существование, хотя не очень приятное, но беззаботное». Однако через несколько недель последовало освобождение. (Вюртембержцы были освобождены согласно циркулярному предписанию Министерства полиции от 11 ноября 1813 г.⁴⁷).

Интересны наблюдения Курца за тем, как интегрировались пленные в жизнь русского провинциального общества. «Прибыв однажды на место, им определенное, многим офицерам, особенно немцам, удавалось после некоторого знакомства с русским языком и с многочисленными гостеприимными, часто богатыми, дворянами городов и окрестностей, сделать свою судьбу сносной, часто даже приятной. Некоторые жили как друзья дома у таких семей, наслаждались изобилием и принимали участие во всех коллективных радостях. Других любили благодаря их познаниям в музыке или живописи, или за хорошие манеры, и они получали благодаря этому везде дружеский прием, нередко при более длительном общении развивались более нежные отношения». Курц, совершенно иначе, чем Пешке, оценивает отношение русского общества к французам. Последним «удавалось при всем их фривольном легкомыслии и манере навязывать себя, не так легко возбудить участие к своей судьбе, так как ненависть низших классов была направлена против них еще более решительным образом, нежели ненависть народа. Вынужденные жить по большей части на выдаваемые им деньги, они должны были, если хотели улучшить свое существование, обеспечивать себе [186] доход посредством ремесел, уроков фехтования, преподавания своего языка». Итальянцы организовали маленький театр марионеток, в котором главными персонажами были Орлекино и Полишинель. Их шутки, «казалось, необыкновенно занимали русских, хотя они ничего не понимали».⁴⁸

Капрал Бютнер, побывавший в Тамбове осенью 1812 г. вспоминал, что пленные солдаты были заперты в здании, не получая при этом ни денег, ни хлеба и были вынуждены продавать свою амуницию.⁴⁹ Вместе с тем, он отмечает, что при отправлении из Тамбова

партия получила хорошую конвойную команду, которая сочувственно относилась к пленным.⁵⁰ Бютнер, у которого было вывихнуто плечо, подвергся в Тамбове, весьма оригинальному методу лечения: врач вправлял ему руку посредством механизма, состоявшего из ремня, пропущенного через систему блоков. Двое ассистентов тянули за ремень, а врач держал пленника за плечи, «пока по тихому хрусту в плече он (врач - Б.М.) не понял, что лечение удалось». После того, как автор пришел в сознание, врач подарил ему 5 рублей и предложил продолжить лечение в госпитале, если тот даст согласие вступить в российскую службу. Бютнер описывает, что однажды к пленным явился русский офицер, который раздал им тулупы, сапоги и чулки. (Раздача пленным одежды действительно происходила в конце сентября, причем мемуарист точно называет предметы одежды, которые выдавались пленным). Затем этот офицер, по словам Бютнера, собрав баварцев, поставил перед ними условие: либо они поступают на русскую службу и получают хорошее содержание, либо отправляются в Сибирь. Однако баварцы единогласно отказались от такого предложения.⁵¹

Иелин отмечает, что по прибытии в Тамбов, пленных разместили в мерзких квартирах на окраине города и они с ужасом узнали, что вскоре отправятся дальше (некоторые опасались, что в Сибирь).⁵²

Находившийся с Иелиным в одной партии Зоден отмечает, что пленных очень долго водили по городу, местные жители смеялись над ними и ругались в их адрес. В конце концов их расселили в очень бедном районе, так что на следующий день пленные отправили депутацию к городским властям с просьбой предоставить лучшие квартиры и выплатить причитающиеся [187] деньги. Однако в улучшении квартир им было отказано.⁵³ Такая же история повторилась, по словам Зодена, и на обратном пути – вновь пленных долго водили по городу и вновь поместили в «самых плохих квартирах». «Воспоминание о квартире в Тамбове и поныне вызывает у меня тошноту и отвращение», - вспоминал мемуарист через много лет. И не мудрено. Зоден попал на постой в бедный дом, где хозяева жили в одном помещении с курами и свиньями.⁵⁴

Вестфалец Рюппель пишет, что командующий в Тамбове губернатор Зубов не отличался хорошей репутацией, так как жестко относился к пленным. «Мы вероятно имели бы возможность почувствовать его ненависть к французам, - писал он, - если бы еще до этого он не получил из Петербурга специального предписания продемонстрировать [по отношению

к пленным] мягкие стороны [своего характера]». ⁵⁵ Хотя Рюппель, как и Курц, ошибается в фамилии губернатора, негативное отношение к губернской администрации выражено и у него достаточно определенно.

Находившийся в одной партии с Рюппелем Пепплер, также отметил плохие квартиры, предоставленные пленным. Кроме того, Пепплер оставил впечатления о Тамбове по пути в Саратовскую губернию в 1813 г. По его рассказу, прибыв в Тамбов и узнав от губернатора, что им предстоит отправиться далее, пленные попросили дать им «покой». «Вы, французские бестии, - ответил губернатор грубым тоном, - никогда не имеете покоя. Почему вы ищите его здесь?». Жалоба пленных на злоупотребления со стороны конвоя была также оставлена без рассмотрения. Возмущенные таким поведением губернатора, пленники заявили, что пожалуются императору, чем вызвали «ужаснейшую ярость» хозяина губернии. «Пошли вы к черту, французские собаки. Небо высоко, а царь далеко!» – последовал ответ. Эта фраза настолько поразила пленника, что он особо отмечает: эта фраза – не плод его фантазии, она является обычной для провинциальных российских начальников. Ничего не добившись, партия отправилась далее сопровождаемая «проклятьями и оскорблениями со стороны местного плебса». ⁵⁶

В отдаленном форштадте была расквартирована также партия пленных, в составе которой был и Фуртенбах (причем, [188] как по пути в плен, так и обратно). Помимо этого неудобства пленным пришлось с большим трудом, преодолевая проволочки, «выжимать» из тамбовских властей 100 рублей, которые правительство назначило на одежду пленным офицерам. Кстати сказать, получили они эти деньги в конце концов, через того же кн. Гагарина. Однако наряду с негативными впечатлениями о Тамбове Фуртенбах весьма благоприятно отзывается об уездном городе Кирсанове. Квартира там была довольно хорошая, вечером пленники посетили кафе, «отлично» побеседовали с городничим, да еще хозяйка квартиры предложила пленным купить за 30 рублей крепостную девку, «молодую и симпатичную». От последнего предложения пленники отказались, зато познакомились с очень кокетливой женой доктора. ⁵⁷

Более или менее едины мемуаристы и в описании города Тамбова. Курц пишет, что город довольно большой. ⁵⁸ Зоден сообщает, что город внешне красивый, в частности обращает внимание на длинные улицы и дворцы. Здесь, по его словам, множество разных заведений, где есть бильярд, дешевое вино водка и т. п. Мемуарист обратил также внимание

на большое количество церквей, заметив, что это традиционно для русских городов.⁵⁹ Довольно подробно описывает Тамбов и Иелин, правда ошибочно говорит, что он находится на берегу Оки. По его словам здесь живет немало знатных людей, имеется много кирпичных домов. Понравился ему своей архитектурой и большой монастырь. Иелин также посетил кадетскую школу, где по его словам, преподавали французы и немцы, и где «воспитываются очень дельные люди».⁶⁰ Фуртенбах, правильно указав, что Тамбов находится на реке Цне, обратил внимание на большой каменный работный дом (вероятно о нем речь идет и в донесении Нилова). Он пишет, что в городе много красивых деревянных домов, каменные мосты, несколько аллей для прогулок, красивая рыночная площадь и отмечает, что стиль построек напоминает Восток.⁶¹

Наличие нескольких мемуарных текстов, посвященных пребыванию пленных в Тамбовской губернии, дает возможность, сравнив их, даже на весьма ограниченном материале, сделать некоторые предварительные выводы об особенностях мемуаров пленных как источника. Оценить степень достоверности [189] в освещении тех или иных сюжетов чрезвычайно важно, поскольку проверить показания мемуаристов по другим, например, делопроизводственным источникам, не всегда представляется возможным. Во-первых, важно совпадение мнений мемуаристов в том, что касается общей оценки города Тамбова, положения пленных в нем, а также отношения губернской администрации к пленным. Если сам город в основном описан с симпатией или по крайней мере нейтрально, то отношение властей к пленным оценивается резко негативно, что очевидно имело под собой некие основания. В частности это касается качества квартир (как видно по переписке Нилова размещать пленных действительно было негде). Да и само дифференцированное отношение к разным сюжетам придает источнику достоверности. Однако при совпадении общего впечатления, наблюдаются значительные расхождения и ошибки в деталях, (например, это касается фамилий должностных лиц), следовательно, к ним надо относиться достаточно осторожно. Вместе с тем противоречивы суждения об отношении русского общества к пленным той или иной национальности, и к ним нужно относиться с большой долей осторожности. Эти суждения обусловлены пестрым национальным составом самой наполеоновской армии, и в ряде случаев весьма негативным отношением части союзников Наполеона к «природным» французам, особенно на завершающем этапе кампании.

¹ ПСЗ I Т. 29 №22372.

-
- ² РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив) Ф.1 Оп.1 Д. 1395 Л. 18; ГАТО Ф.4 Оп.1 Д. 126 Л.5-10.
- ³ РГВИА Ф.1 Оп.1 Д. 1391 Л. 6-13; Д. 6691 Л. 14-16.
- ⁴ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии Вып.56. Тамбов, 1915. С.140-142.
- ⁵ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области) Ф.4 Оп.1.Д. 214 Л. 5-6.
- ⁶ ГАТО Ф.4 Оп.1.Д. 291 Л.15-15об.
- ⁷ ГАТО Ф.4 Оп.1.Д. 291 Л. 14.
- ⁸ ГАТО Ф.4 Оп.1.Д. 291 Л. 22; Известия Тамбовской ученой архивной комиссии Вып.56. Тамбов, 1915 С.142-143. [190]
- ⁹ РГИА (Российский государственный исторический архив) Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 319. Л. 3.
- ¹⁰ ГАТО Ф.4 Оп.1.Д. 216 Л. 6.
- ¹¹ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии Вып.56. Тамбов, 1915 С. 143.
- ¹² ГАТО Ф.4 Оп.1.Д. 291 Л. 29.
- ¹³ ГАТО Ф.4 Оп.1.Д. 216 Л. 17.
- ¹⁴ ГАТО Ф.4 Оп.1.Д. 216 Л. 1.
- ¹⁵ ГАТО Ф.4 Оп.1.Д. 216 Л. 21,29.
- ¹⁶ ГАТО Ф.4 Оп.1.Д. 216 Л. 19, 31.
- ¹⁷ ГАТО Ф.4 Оп.1.Д. 216 Л. 39,41.
- ¹⁸ ГАТО Ф.4 Оп.1.Д. 216 Л. 31.
- ¹⁹ ГАТО Ф.4 Оп.1.Д.294 Л.20.
- ²⁰ ГАТО Ф.4 Оп.1.Д. 1216 Л. 72.
- ²¹ РГИА(Российский государственный исторический архив) Ф. 1409 Оп.1. Д. 656 Ч.1 Л. 128.
- ²² РГИА Ф. 1409 Оп.1. Д. 656 Ч.1 ЛЛ.118-125.
- ²³ ГАТО Ф.4 Оп. 1 Д. 300 Л. 59.
- ²⁴ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии Вып.56. Тамбов, 1915 С. 143-144.
- ²⁵ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии Вып.56. Тамбов, 1915 С. 145-146.
- ²⁶ ГАТО Ф.4 Оп.1.Д. 294 Л. 11.
- ²⁷ ГАТО Ф.4 Оп.1.Д.294 Л. 22.
- ²⁸ Yelin Ch.L. In Russland 1812. Aus dem Tagebuch des wuerttembergischen Offiziers von Yelin. Muenchen 1910 S. 78-79; [Soden] Memorien aus russischer Kriegsgefangenschaft von 2 deutschen Offizieren. Bd. 2. Regensburg 1832. S. 92-96.
- ²⁹ Yelin Ch.L. In Russland 1812. Aus dem Tagebuch des wuerttembergischen Offiziers von Yelin. Muenchen 1910 S. 91 [Soden] Memorien aus russischer Kriegsgefangenschaft von 2 deutschen Offizieren. Bd. 2. Regensburg 1832. S. 155-157.
- ³⁰ Так пишет Иелин (S.90), сам же Пепплер пишет, что он присоединился к партии, шедшей из Пензы, в Тамбове, где он пробыл 3 дня и выехал из Тамбова 21 января. (Peppler F. Schilderung meiner Gefangenschaft in Russland vom Jahre 1812 bis 1814 .S.I. 1832. S. 133).
- ³¹ Его называет Иелин (S.92). Сам Рюппель не дает точных дат, но говорит, что в Тамбове его партия столкнулась с двигавшимися из Пензы офицерами. (Rueppel E. Kriegsgefangenen in Herzen Russlands 1812-1814. Erinnerungen. Berlin. 1912. S. 192).
- ³² Peppler F. Schilderung meiner Gefangenschaft in Russland vom Jahre 1812 bis 1814 .S.I. 1832. S. 84-85.
- ³³ ПешкеС.Б. Выписка из Записок // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии Вып.56. Тамбов, 1915. С. 240-245.
- ³⁴ Fleck A. Beschreibung meiner Leiden und Schicksale waerend Napoleon's Feldzuge und meiner Gefangenschaft in Russland. Hildesheim. 1845. S. 160. [191]
- ³⁵ Buettner Brschreibung der Schicksale und Leiden des ehemaligen Korporals Buettner,... waerend seiner 19-monatlichen Gefangenschaft in Russland, in den Jahren 1812 und 1813. Naumrg. 1831 S. 12-17.
- ³⁶ Wedel C.A. Geschichte eines Offiziers im Kriege Gegen Russland 1812, in russischer Gefangenschaft 1813 bis 1814, im Feldzuge gegen Napoleon 1815. Berlin 1897 S. 222-223.
- ³⁷ Kurz K. Die Wuertemberger in Russland. Esslingen 1838. S. 212, 216.
- ³⁸ Furtenbach F, von. Krieg gegen Russland und russischer Gefangenschaft. Aufzeichnungen aus den Jahren 1812-1813. Nuernberg-Leipzig. 1912.
- ³⁹ Wedel C.A. Geschichte eines Offiziers im Kriege Gegen Russland 1812, in russischer Gefangenschaft 1813 bis 1814, im Feldzuge gegen Napoleon 1815. Berlin 1897 S. 222-223.

-
- ⁴⁰ Fleck A. Beschreibung meiner Leiden und Schicksale waerend Napoleon's Feldzuge und meiner Gefangenschaft in Russland. Hildesheim. 1845. S. 160.
- ⁴¹ Пешке С.Б. Выписка из Записок. // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии Вып.56. Тамбов, 1915. С. 244-245.
- ⁴² Пешке С.Б. Выписка из Записок // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии Вып.56. Тамбов, 1915.С. 242-243.
- ⁴³ Пешке С.Б. Выписка из Записок // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии Вып.56. Тамбов, 1915.С. 244.
- ⁴⁴ Kurz K. Die Wuertemberger in Russland. Esslingen 1838. S. 213.
- ⁴⁵ ГАЯО Ф. 73 Оп.4 Д. 82. Л. 126.
- ⁴⁶ Kurz K. Die Wuertemberger in Russland. Esslingen 1838. S. 213-214.
- ⁴⁷ ГАЯО Ф. 73 Оп. 4 Д. 82. Л. 130.
- ⁴⁸ Kurz K. Die Wuertemberger in Russland. Esslingen 1838. S. 215.
- ⁴⁹ Buettner Brschreibung der Schicksale und Leiden des ehemaligen Korporals Buettner,...waerend seiner 19-monatlichen Gefangenschaft in Russland, in den Jahren 1812 und 1813. Naumrg. 1831 S. 15.
- ⁵⁰ Buettner Brschreibung der Schicksale und Leiden des ehemaligen Korporals Buettner,...waerend seiner 19-monatlichen Gefangenschaft in Russland, in den Jahren 1812 und 1813. Naumrg. 1831 S. 17.
- ⁵¹ Buettner Brschreibung der Schicksale und Leiden des ehemaligen Korporals Buettner,...waerend seiner 19-monatlichen Gefangenschaft in Russland, in den Jahren 1812 und 1813. Naumrg. 1831 S. 15-16.
- ⁵² Yelin Ch.L. In Russland 1812. Aus dem Tagebuch des wuertembergischen Offiziers von Yelin. Muenchen 1910 S. 91
- ⁵³ [Soden] Memorien aus russischer Kriegsgefangenschaft von 2 deutschen Offizieren. Bd. 2. Regensburg 1832. S.93
- ⁵⁴ [Soden] Memorien aus russischer Kriegsgefangenschaft von 2 deutschen Offizieren. Bd. 2. Regensburg 1832. S. 155
- ⁵⁵ Rueppel E. Kriegsgefangenen in Herzen Russlands 1812-1814. Erinnerungen. Berlin. 1912. S. 192.
- ⁵⁶ Peppler F. Schilderung meiner Gefangenschaft in Russland vom Jahre 1812 bis 1814 .S.I. 1832. S. 84-85.
- ⁵⁷ Furtenbach F, von. Krieg gegen Russland und russischer Gefangenschaft. Aufzeichnungen aus den Jahren 1812-1813. Nuernberg-Leipzig. 1912. S. 195-196.
- ⁵⁸ Kurz K. Die Wuertemberger in Russland. Esslingen 1838. S. 212.
- ⁵⁹ [Soden] Memorien aus russischer Kriegsgefangenschaft von 2 deutschen Offizieren. Bd. 2. Regensburg 1832. S. 93-94.
- ⁶⁰ Yelin Ch.L. In Russland 1812. Aus dem Tagebuch des wuertembergischen Offiziers von Yelin. Muenchen 1910 S. 79-80.
- ⁶¹ Furtenbach F, von. Krieg gegen Russland und russischer Gefangenschaft. Aufzeichnungen aus den Jahren 1812-1813. Nuernberg-Leipzig. 1912. S. 164.